

Глава 1

-- Да, да, сударыни, можете качать головой сколько вам угодно: самая благоразумная, самая лучшая среди вас -- это... Но я не назову ее, так как она единственная во всем моем классе скромница и я боюсь, что, назвав ее имя, я заставлю ее тотчас же утратить эту редкую добродетель, которой я желаю и вам.

-- In nomine Patris, et Filii, et Spiritu Sancto , -- пропела Констанца с вызывающим видом.

-- Amen , -- пропели хором все остальные девочки.

-- Скверный злюка, -- сказала Клоринда, мило надув губки и слегка ударяя ручкой веера по костлявым, морщинистым пальцам учителя пения, словно уснувшим на немой клавиатуре органа.

-- Это вы не по адресу! -- произнес старый профессор с глубоко невозмутимым видом человека, который в течение сорока лет по шести часов в день подвергался дерзким и шаловливым выходкам нескольких поколений юных особ женского пола. -- И все-таки, -- добавил он, пряча очки в футляр, а табакерку в карман и не поднимая глаз на раздраженный и насмешливый улей, -- эта разумная, эта кроткая, эта прилежная, эта внимательная, эта добрая девочка -- не вы, синьора Клоринда, не вы, синьора Констанца, и не вы, синьора Джульетта, и, уж конечно, не Розина, и еще того менее Микела... -- Значит, это я!

-- Нет, я!

-- Вовсе нет, я!

-- Я!

-- Я! -- закричало разом с полсотни блондинок и брюнеток, кто приятным, кто резким голосом, словно стая крикливых чаек, устремившихся на злосчастную раковину, выброшенную на берег отхлынувшей волной.

Эта раковина, то есть маэстро (и я настаиваю, что никакая метафора не подошла бы в большей мере к его угловатым движениям, глазам с перламутровым отливом, скулам, испещренным красными прожилками, а в особенности -- к тысяче седых, жестких и остроконечных завитков его профессорского парика), -- маэстро, повторяю я, вынужденный трижды опускаться на скамейку, с которой он подымался, собираясь уйти, но, спокойный и бесстрастный, как раковина, убаюканная и окаменевшая в бурях, долго не поддавался просьбам сказать, какая именно из его учениц заслуживает похвал, на которые он -- всегда такой скупой -- только что так расщедрился. Наконец, точно с сожалением уступая просьбам, вызванным его же хитростью, он взял свою профессорскую трость, которою обыкновенно отбивал такт, и с ее помощью разделил это недисциплинированное стадо на две шеренги; затем, продвигаясь с важным видом между двойным рядом легкомысленных головок, остановился в глубине хоров, где помещался орган, против маленькой фигурки, сидевшей, скорчившись, на ступеньке. Опершись локтями на колени, заткнув пальцами уши, чтобы не отвлекаться шумом, она разучивала вполголоса урок, чтобы никому не мешать, скрючившись и согнувшись, как обезьянка; а он, торжественный и ликующий, стоял, выпрямившись и вытянув руки, словно Парис, присуждающий яблоко, но не самой красивой, а самой разумной.

-- Консуэло? Испанка? -- закричали в один голос юные хористки в величайшем изумлении. Затем раздался общий гомерический хохот, вызвавший краску негодования и гнева на величавом челе профессора.

Маленькая Консуэло, заткнув уши, ничего не слышала из того, что говорилось, глаза ее рассеянно блуждали, ни на чем не останавливаясь; она была так погружена в работу, что в течение нескольких минут не обращала ни малейшего внимания на весь этот шум. Заметив наконец, что она является